

Митрополитовский Арсений Иванович (1903-04)

Меценат (прил. к газ. Весть) - Калуга. - 2004. - 19 марта (№3). - с.8

Меценат
8

За рубежом нашей памяти

Как-то раз, с полгода назад, я присутствовала на свадебном банкете. Было шумно, играл ансамбль. И вдруг среди вбивающихся в мозг мелодий и куплетов я услышала стихи совсем не эстрадные, более того - принадлежащие человеку, вряд ли предполагавшему, что строки его станут когда-нибудь текстом популярной песенки.

**Каждый хочет любить,
и солдат, и моряк.
Каждый хочет иметь
и невесту, и друга.
Только дни тяжелы,
только дни наши - выюга.
Только выюга они,
заклубившие мрак.**

Я подошла к солисту и спросила, знает ли он автора этих стихов. Парень посмотрел на меня как на представителя инопланетной цивилизации и, секунду помедлив, процедил: «Кажется, Пеленягрэ... А вообще, какая разница?»

Разница вообще-то огромная, ведь горькое и пронзительное стихотворение «Интервенты» написал в 1920 году Арсений Иванович Митрополитовский, поручик каппелевской армии, участник гражданской войны, сибирского Ледяного похода, известный в литературе Русского зарубежья под псевдонимом Арсений Несмелов.

Он принадлежал к восточному, китайскому, крылу первой эмиграции. В Маньчжурию ушел уже из Владивостока, захваченного войсками Уборевича. Не смог жить под красными. Местом нового пристанища стал для него Харбин, Русский Харбин, иначе этот город тогда и не называли, так как на три четверти население города составляли выходцы из России. Да и построили Харбин, в сущности, русские.

В эмиграции Арсений Несмелов (псевдоним прочно заменил ему фамилию) занимался исключительно литературным трудом, редкий случай в среде изгнанников! Для заработка писал газетные статьи. Иногда обращался к художественной прозе. Но главным делом были стихи. Их Несмеловым написаны сотни, а с учетом случайных экспромтов, возможно, и тысячи. Собственно, он жил поэзией, став поэтом в полном смысле этого слова. В 1930-е годы известность Несмелова шагнула далеко за границы

Китая. В Париже, своеобразной эмигрантской столице, в высших литературных кругах за серьезную величину из поэтов-дальневосточников признавался только Арсений Несмелов. А это дорогого стоит!

Между прочим, в советской России его тоже читали: до 1929 года журнал «Сибирские огни» публиковал несмеловские стихи и поэмы. Потом, разумеется, публикации прекратились. А по поводу переписки с Харбином редактор давал объяснения органам НКВД.

По строю своей поэтики Несмелов - продолжатель классического русского стихосложения. Его образы очень конкретны, зримы (гумилевская школа!). Он пишет о том, что пережил лично, чему был свидетелем. И потому тема гражданской войны, трагедии белого движения - главная в его творчестве. И еще - Несмелов до глубины души был русским человеком, всеми чувствами и мыслями связанным с прежней, уничтоженной большевиками Россией. Он понимал, что, если окажется в руках советских карательных органов, пошадя не получит. Свой последний час он предчувствовал, и в стихотворении «Моем судьям» писал:

**И без жалоб, судорог, мольбы,
Не взглянув на злые ваши лбы,
Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы.**

Белогвардейцем он остался до конца и умер, вывезенный из Китая, в советской пересыльной тюрьме в сентябре 1945 года от кровоизлияния в мозг, избежав таким образом расстрельной пули или непосильного лагерного труда. Было ему тогда пятьдесят шесть лет.

В конце 1980-х годов творчество Арсения Несмелова вернулось на родину. Его стихи стали широко печатать в журналах, вышел даже отдельный том избранного «Без Москвы, без России». Правда, последние лет пятнадцать произведения его издавались только в редких поэтических антологиях Русского зарубежья.

В этом году со дня рождения поэта исполняется 115 лет. Тем более есть повод вспомнить о нем, прочесть его строки, пусть и в маленькой газетной подборке. Незадолго до своего ареста, выступая в Харбине перед эмигрантской молодежью, Несмелов говорил (по словам очевидца): «Запомните, современная советская литература - это наполовину фикция, высосанная из пальца... Лет через сорок-пятьдесят будет настоящая русская литература, помните мое слово! Или откроются старые имена, которых никто сейчас почти и не знает...» Хочется верить, что по большому счету поэт все-таки не ошибся.

Марина УЛЫБИЩЕВА.

Муза в изгнании

Божий гнев

Город жался к берегу домами,
К морю он дворцы и храмы жал.
«Убежать бы!» - пыльными устами
Он вопил и все ж - не убежал!
Не успел. И, воскрешая мифы,
Заклубила, почернела высь.
Из степен каких-то, точно скифы,
Всадники в напехах ворвались.
Богачи с надменными зобами,
Неприступные, что короли,
Сбросив спесь, бия о землю лбами,
Сами дочерей к ним повели.
Чтобы те, перечеркнувши участь,
Где крылатый царствовал божок,
Стаскивали б, отвращенным мучась,
Сапожища с заскорузлых ног.
А потом, раздавлены отрядом,
Брошены на липкой мостовой,
Упирались бы стеклянными взглядами,
Взглядом трупов в купол голубой!
А с балкона, расхлябаснув ворот,
Руку положив на ятаган,
Озирали раздавленный им город
Тридцатитрехлетний атаман...
Шевелил он рыжими усами,
Вглядываясь, слушал и стерег,
И присевшими казались псами
Пулеметы у его сапог.
Так, взращенный всяческим посевом
Сытых ханжеств, векового зла,
Он упал на город Божьим гневом,
Молнией, сжигающей дотла!

Жена гусара

Говорит она, что ей тридцать лет,
Но, конечно, ей много больше.
Первый муж ее был лихой корнет -
Он изрублен на Стыри в Польше.
И она бедна, и больна она,
И не любит второго мужа.
Если есть вино, так, пьяным-пьяна,
Она песней о прошлом тужит.
Это песнь о тех, кто всегда удал -
И в любви, и в бою, и в чаре.
Первый муж ее часто ей пелал
О лихом молодом гусаре.
И оставил он молодой жене
Эту песнь о себе на память,
И она ее и тебе, и мне
Запевает, блеснув глазами.
Но уж голос хрипл у нее, больной.
И мне кажется в ночь хмельную,
Будто сам мертвец за ее спиной
Воет песнь свою полковую.
И уж скоро он на коне лихом
За любимой примчит подругой.
И следы коня на пути ночном
Захлестнет голубая выюга.

И умчит она, удалцу верна,
От проклятой нужды-бедности.
Так в последний раз пропоет струна
Молодецкой гусарской песни.
Верность есть в любви, верность есть в бою,
Нет у Бога прекрасней дара.
В ледяной земле спит в чужом краю
Молодая жена гусара.

Встреча первая

Вс. Иванову

Мы - вежливы. Вы попросили спичку
И протянули черный портсигар.
И вот огонь - условие приличья -
Из зажигалки надо высекать.
Дымок повис сиреневою ветвью.
Беседуем, сближая мирно лбы,
Но встреча та - скости десятилетий!
Огня много требовала бы...
Схватились бы, коль пешки, за наганы,
Срубались бы верхами, на скаку...
Он позвонил. Китайцу: «Мне нарзану!»
Прищурился. «И рюмку коньяку...»
Вагон стучит, ковровый пол качая,
Вопит гудка басовая струна.
Я превосходно вижу: ты скучаешь,
И скака, парень, общая у нас.
Пусть мы враги, друг другу мы не чужды.
Как чужд обоим этот сонный быт.
И непонятно, право, почему ж ты
Несешь ярмо совсем иной судьбы?
Мы вспоминаем прошлое беззлобно.
Как музыке. Запело и ожгло...
Мы не равны, но все же мы подобны,
Как треугольники при равенстве углов.
Обоих нас качала непогода.
Обоих нас в ночи будил рожок...
Мы - дети восемнадцатого года.
Тридцатый год. Мы прошлое, дружок!..
Что сетовать! Всему проходят сроки.
Исчезнуть, кануть каждый обречен.
Ты в чистку попадешь в Владивостоке,
Меня бесптичье съест за рубежом.
Склонил ресницы, как склоняют зная,
В былых боях изодранный лоскут...
«Мне, право, жаль, что вы еще не с нами».
Не лгите: с кем? И... выпьем коньяку.

Встреча вторая

Василий Васильич Казанцев.
И огненно вспомнились мне -
Усищев протуберанцы,
Кожанка и цейс на ремне.
Ведь это же - бесповоротно,
И образ тот, время, не тронь.
Василий Васильевич - ротный:
«За мной - перебежка - огонь!»
- Василий Васильича? Прямо.
Вот, видите, стол у окна...

Над счетами (сognут упрямо
И лысина точно луна).
Почтенный бухгалтер. - Бессильно
Шагнул и мгновенно остыл...
Поручик Казанцев?.. Василий?..
Но где же твой цейс и усы?
Какая-то шутка, насмешка,
С ума посходили вы все!..
Казанцев под пулями мешкал
Со мной на ирбитском шоссе.
Нас дерзкие дни не скосили -
Забуду ли пули ожог?
И вдруг шевнотовый, синий,
Наполненный скукой мешок.
Грознейшей из всех революций
Мы пулей ответили: нет!
И вдруг этот куцый, кургузый,
Уже располневший субъект.
Года революции, где вы?
Кому ваш грядущий сигнал?
Вам в счетный, так это налево...
Он тоже меня не узнал!
Смешно! Постарели и вымрем
В безлюдье осеннем, нагом,
Но все же, конторская мымра,
Сам Ленин был нашим врагом!

Выплывут из памяти муаровой
Волга и Урал.
Сядет генерал за мемуары.
Пишет генерал.
Выскребает из архивной пыли
Даты-светляки.
Вспоминает, как сраженья были,
Как бросал полки.
И, носясь над заревом побойщ
В отзвуках «ура»,
Он опять любит себя собою,
Этот генерал.
Нам же, парень, любоваться нечем:
Юность истребля,
Мы бросали гибели навстречу
Лишь самих себя.
Перестрелки, перебежки, водка,
Злоба или страх.
Хрипом перехваченная глотка
Да ночлег в кустах.
Адом этим только на экране
Можно обмануть,
Любят разжиревшие мешане
Посмотреть войну.
Любят в мемуарах полководцев
Память и уют.
Ибо там сражение дается,
Как спектакль дают.
Пламенем боев им любо греться
В креслах тишины.
А у нас - расстрелянное сердце
До конца войны.

№ 3 (64)
19 марта
2004 г.

Меценат
Газета зарегистрирована в Центральном
региональном управлении Госкомпечати (г.Тверь).
Регистрационный № Т-1244

Учредитель - редакция газеты «ВЕСТЬ»
248600, г.Калуга,
ул.Марата, 10.
Тел. 57-72-81.

Редактор выпуска
Марина УЛЫБИЩЕВА.
Тел. 57-72-81.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция не вступает в переписку
с читателями.

Номер набран и сверстан
в редакции газеты «ВЕСТЬ».
Отпечатан ГУП «Облиздат».
248540, г.Калуга, пл.Старый Торг, 5.
Заказ 699. Тираж 14 511 экз.
Цена договорная.

278